

Глава 1. Диалектика пола

Половой класс укоренён настолько глубоко, что невидим. Или он может выглядеть как поверхностное неравенство, которое может быть устранено всего лишь несколькими реформами или, возможно, путём полной интеграции женщин в рабочую силу. Но реакция обыкновенного мужчины, женщины или ребёнка: «*Это?* Но вы не можете изменить *это!* Должно быть, вы выжили из ума!» - наиболее близка к сути дела. Мы действительно говорим о чём-то настолько глубоком. Эта инстинктивная реакция – предположение о том, что даже когда они не знают этого, феминистки говорят об изменении фундаментальных биологических условий – является честной. Насколько глубинное изменение не может быть легко вписано в традиционные категории мысли, например «политические» и не потому, что они здесь неприменимы, но потому, что они недостаточно широки: радикальный феминизм прорывается через их рамки. Если бы существовало более всеобъемлющее слово, чем *революция*, мы бы использовали его.

До тех пор, пока не наступила определённая стадия эволюции, и технологии не достигли современного уровня, ставить под сомнение фундаментальные биологические условия было безумством. Почему женщина должна бросить своё драгоценное место в вагоне для перевозки скота ради кровавой борьбы без надежды на победу? Но впервые в некоторых странах появились предпосылки для феминистской революции – в действительности сама ситуация начинает *требовать* такой революции. Первые женщины сбегают с бойни и, трясясь и ковыляя, начинают находить друг друга. Их первое действие – это бережное и внимательное коллективное самонаблюдение, чтобы вернуть чувствительность своему расколотому сознанию. Это болезненно: не важно, сколько уровней сознания удалось достичь, проблема всегда будет глубже. Она повсюду. Разделение на инь и янь заполняет всю культуру, историю, экономику и саму природу; современные западные версии половой дискриминации – это только наиболее недавний слой. Поднятие чувствительности к сексизму на такую высоту создаёт проблемы куда большие, чем новая озабоченность расизмом у воинствующих чернокожих: феминистки вынуждены ставить под сомнение не только всю *Западную* культуру, но организацию самой культуры и, более того, даже организацию самой природы. Многие женщины сдаются в отчаянии: если *это* лежит настолько глубоко, то они не хотят ничего знать. Другие продолжают укреплять и расширять движение, поскольку их мучительная чувствительность к угнетению женщины существует ради цели: в конце концов устранить это угнетение. Однако прежде чем мы сможем действовать для изменения ситуации, мы должны узнать, как она возникла и эволюционировала, и через какие институты она действует сейчас. Из Энгельса: «[Мы должны] изучить историческую последовательность событий, из которой проистекает антагонизм для того, чтобы внутри таким образом сложившихся условий открыть средства, с помощью которых можно закончить конфликт». Для феминистской революции нам потребуется настолько же всесторонний анализ динамики войны полов, каким был анализ классового антагонизма Маркса-Энгельса для экономической революции. Более всесторонний. Поскольку мы имеем дело с большей проблемой, с угнетением, которое уходит своими корнями за пределы зарегистрированной истории самого животного царства. При создании такого анализа мы можем многому поучиться у Маркса и Энгельса: не их буквальной точке зрения на женский вопрос – о положении женщин как угнетённого класса, о котором Маркс и Энгельс почти ничего не знают, признавая его только тогда, когда это

угнетение пересекается с экономикой – но их аналитическому *методу*. Маркс и Энгельс превзошли своих социалистических предшественников в том, что они разработали аналитический метод, который был одновременно и *диалектическим*, и *материалистическим*. Будучи первыми за многие века, кто рассмотрел историю диалектически, они видели мир как процесс, естественный поток акции и реакции, противоречий вдобавок неразделимых и взаимопроникающих. Поскольку они были способны воспринимать историю как фильм, а не как фотоснимок, они попытались избежать впадения в закоснелый «метафизический» взгляд, который прежде заманивал в ловушку столь многие великие умы. (Такой вид анализа сам по себе может быть продуктом полового разделения, как это обсуждается в Главе 9.) Они соединили это видение динамики взаимодействия исторических сил с материалистической точкой зрения, которая заключается в том, как они попытались впервые положить историческое и культурное изменение на действительную основу, чтобы проследить развитие экономических классов до их основных причин. Путём тщательного понимания механики истории они надеялись показать людям, как можно овладеть ею.

Социалистические мыслители, предшествовавшие Марксу и Энгельсу, такие как Фурье, Оуэн и Бебель, были способны не более чем морализировать о существующих видах социального неравенства, кладя в основу доводов идеальный мир, где классовые привилегии и эксплуатация не должны существовать – точно так же, как ранние феминистские мыслительницы постулировали мир, где мужские привилегии и эксплуатация не имеет права на существование просто за счёт силы доброй воли. В обоих случаях, поскольку ранние мыслители не понимали в действительности, как социальная несправедливость эволюционировала, поддерживала своё существование или могла бы быть устранена, их идеи существовали в культурном вакууме, были утопическими. Маркс и Энгельс, напротив, попытались подойти научно к истории. Они проследили конфликт классов до его действительных экономических истоков, составляя проект экономического решения, основанного на объективных экономических предпосылках, которые уже существовали: захват пролетариатом средств производства привёл бы к коммунизму, в котором государство было бы уже отмершим, не требовалось бы больше подавлять низший класс в интересах класса высшего. В бесклассовом обществе интересы каждого индивидуума совпадали бы с интересами всего общества.

Но доктрина исторического материализма, несмотря на то что она была блестящим продвижением вперёд по сравнению с предшествующим историческим анализом, не давала полный ответ, как подтвердили последующие события. Хотя Маркс и Энгельс основывали свою теорию на реальности, это была лишь *частичная* реальность. Вот строго экономическое определение исторического материализма Энгельса из «Социализм: утопический или научный»:

Исторический материализм – это такой взгляд на ход истории, который ищет *конечную* причину и великую движущую силу всех исторических событий в экономическом развитии общества, в изменениях средств производства и обмена, в последовательном разделении общества на различные классы и в борьбе этих классов друг против друга. (Курсив мой)

Далее он заявляет:

... вся прежняя история за исключением примитивных стадий была историей борьбы

классов; эти борющиеся классы общества всегда являются продуктом средств производства и обмена – одним словом, продуктом экономических условий своего времени; *экономическая* структура общества всегда представляет собой реальный базис, опираясь на который мы можем выработать *окончательное* объяснение всей надстройки юридических и политических институтов так же, как и религиозных, философских и других идей данного исторического периода. (Курсив мой)

Было бы ошибкой пытаться объяснить угнетение женщин согласно этой строго экономической интерпретации. Этот классовый анализ – прекрасная работа, но тем не менее имеющая свои пределы: несмотря на то, что данный анализ корректен в прямолинейном смысле, он не заходит достаточно глубоко. Существует целая половая подоснова исторической диалектики, которую Энгельс временами смутно чувствует, но поскольку он может видеть сексуальность только через призму экономики, сводя всё к ней, он не способен оценить сексуальность в своём собственном праве. Энгельс заметил, что изначальное разделение труда произошло между мужчинами и женщинами с целью выращивания детей; что внутри семьи муж был хозяином, жена – средством производства, а дети – продуктом труда; и что воспроизводство человеческого вида было важной экономической системой, отдельной от средств производства.* (* - составленное Энгельсом соотношение взаимного развития этих двух систем в «Происхождении частной собственности, семьи и государства» на временной шкале может быть представлено в виде следующей таблицы:

Таблица:

Но Энгельсу воздают слишком много почестей за эти редкие признания угнетения женщин как класса. В действительности он допускал половую классовую систему только тогда, когда она перекрывалась и разъяснялась его экономическим построением. Энгельс не был так хорош даже в этом отношении. Но Маркс был хуже: в настоящее время растёт признание предубеждения Маркса против женщин (культурной предвзятости, разделяемой и Фрейдом так же, как и всеми мужчинами той культуры), опасного, если пытаться запихнуть феминизм в рамки марксистской ортодоксии, - превращая в замороженную догму то, что было только случайными озарениями Маркса и Энгельса о половом классе. Вместо этого мы должны расширить исторический материализм и при этом *включить* строгий марксизм точно так же, как теория относительности не лишает законной силы ньютоновскую физику, так как первая лишь ограничивает сферу применимости последней – но только через сравнение одного с другим – до меньшей сферы. Что касается экономического установления причин, прослеживающего их до собственности на средства производства, даже до средств *вос*производства, оно не объясняет всего. Существует уровень реальности, который не происходит напрямую от экономики. Предположение о том, что реальность под экономикой имеет психосексуальную природу, часто отвергается как неисторическое теми, кто принимает диалектико-материалистическую точку зрения на историю, поскольку кажется, что это отбрасывает нас назад к тому, с чего начинал Маркс: идти на ощупь через туман утопических гипотез, философских систем, который могут быть истинными, а могут быть и ложными (и нет способа это узнать), системы, которые объясняют конкретное историческое развитие через *априорные* категории мышления; исторический материализм, однако, пытался объяснить «знание» через «бытие», а не наоборот. Но всё ещё существует третья неиспробованная альтернатива: мы можем попытаться развить материалистический взгляд на историю, основываясь на самом поле. Ранние феминистские теоретики были по отношению к материалистическому взгляду на пол теми же, кем были Фурье, Бебель и Оуэн по отношению к материалистическому взгляду на класс. В общем и целом, феминистская теория была настолько неадекватна, насколько неадекватными были попытки ранних феминисток исправить сексизм. Этого следовало ожидать. Проблема настолько необъятна, что с первой попытки можно лишь поверхностно познакомиться с ней, лишь описать наиболее вопиющие случаи неравенства. Симона де Бовуар была единственной, кто вплотную подошёл к чёткому анализу, и кто, вероятно, сделал его. Её глубокая работа «Второй пол» - которая появилась совсем недавно, в начале пятидесятых годов, когда мир был убеждён, что феминизм мёртв – впервые явила собой попытку обосновать феминизм на исторической основе. Из всех феминистских теоретиков Де Бовуар наиболее всесторонняя и далеко идущая, относящая феминизм к лучшим идеям в нашей культуре.

Но, возможно, то, что является её достоинством, также оборачивается и недостатком: она практически слишком сложна для понимания, слишком заумна. Где это становится слабым местом, - и это всё ещё безусловно дискуссионно - так это в её жёстко экзистенциалистской интерпретации феминизма (интересно, насколько в этом замешан Сартр). Я говорю это с точки зрения, что все культурные системы, включая экзистенциализм, сами обусловлены половым дуализмом. Она говорит:

Мужчина никогда не думает о себе без того, чтобы думать от Другом; он видит мир через призму дуальности, *которая не имеет в первую очередь половой характер*. Но в отличие от мужчины, который полагает себя самотождественным, для категории Другого естественно быть предназначенной женщине; понятие «Другой» включает женщину. (Курсив мой.)

Возможно, она здесь превзошла себя: зачем постулировать фундаментальное гегельянское понятие Другого как конечное объяснение – и затем аккуратно документировать

биологические и исторические обстоятельства, которые загнали класс «женщин» в эту категорию – когда никто не рассматривал всерьёз гораздо более простую и вероятную возможность, что этот фундаментальный дуализм берёт начало в самом половом разделении? Постулирование *априорных* категорий мышления и существования – «Другого», «Трансценденции», «Имманентности» - согласно которым затем разворачивается история, может оказаться не нужным. Маркс и Энгельс открыли ранее, что сами эти философские категории вырастают из истории.

Прежде чем принимать такие категории, давайте сначала попытаемся разработать анализ, согласно которому сама биология – деторождение – стоит у истоков этого дуализма. Непосредственное предположение дилетанта о том, что неравное разделение полов «естественно» может быть хорошо обоснованно. Нам нет нужды в том, чтобы сразу же искать объяснение где-то ещё. В отличие от экономического класса, половой класс произрастает напрямую из биологической действительности: мужчины и женщины были созданы разными и не равно привилегированными. И хотя, как указывает Де Бовуар, это различие само по себе не делало необходимым развитие классовой системы – т.е. господства одной группы над другой – но это сделали репродуктивные *функции* этих различий. Биологическая семья в своей основе является неравным распределением власти. Потребность во власти, приводящая к развитию классов, возникает из психосексуальной формации каждого индивидуума в соответствии с этим базовым дисбалансом, а не из некоторого неприводимого конфликта Жизни и Смерти, Эроса и Танатоса, как постулировали, опять превзойдя себя, Фрейд, Норман О. Браун и другие. *Биологическая семья* - основная воспроизводственная ячейка мужчины/женщины/младенца, в любой форме социальной организации – характеризуется следующими фундаментальными – если не неизменными – фактами:

- 1) Женщины на протяжении истории до появления контроля рождаемости непрерывно зависели от своей биологии – менструация, менопауза и «женские болезни», постоянное болезненное деторождение, кормление грудью и забота о младенцах, всё это сделало женщин зависимыми от мужчин (будь то брат, отец, муж, любовник или клан, правительство, соседи) в вопросе физического выживания.
- 2) Человеческим младенцам требуется гораздо больше времени, чтобы вырасти, чем животным, и таким образом они оказываются беспомощны и, на хотя бы короткий период времени, зависят от взрослых в вопросе физического выживания.
- 3) Базовая взаимозависимость между матерью и ребёнком существовала в какой-либо форме в каждом обществе, прошлом или настоящем, и таким образом эта взаимозависимость сформировала психологию каждой зрелой женщины и каждого младенца.
- 4) Естественные репродуктивные различия между полами непосредственно привели к первому разделению труда на заре появления классов так же, как и к обеспечению парадигмы кастовой системы (дискриминации, основанной на биологических характеристиках). Эти биологические обстоятельства человеческой семьи не могут быть полностью закрыты с помощью антропологической софистики. Любой, кто наблюдал животное спаривание, размножение и заботу о потомстве, с трудом примет линию «культурной относительности». Не важно, сколь много племён в Океании вы можете найти, где не известна связь между отцом и деторождением, не важно, сколько матрилинейных генеалогий, не важно, сколько случаев инверсии половых ролей, мужского домоводства или даже эмпатических родовых схваток, все эти факты доказывают только одну вещь: поразительную *гибкость* человеческой природы. Но природа человека адаптируется к чему-то, да, она определяется условиями своей среды. И описанная нами биологическая семья существовала везде в течение всего времени. Даже в матриархальных обществах, где поклоняются женскому плодородию, а роль отца неизвестна или не важна, всё ещё остаётся некоторая зависимость женщины и младенца если, возможно, не от генетического отца, то от другого мужчины. И хотя верно, что

нуклеарная семья - это лишь недавнее явление, которое, как я попытаюсь показать, только усиливает психологические неудобства биологической семьи, хоть и верно, что на протяжении всей истории существовало много вариантов этой биологической семьи, та сопряжённость признаков, которую я описала, присутствовала во всех них, вызывая специфические психосексуальные искажения человеческой личности. Но согласиться с тем, что половой дисбаланс власти биологически обоснован, не значит проиграть наше дело. Мы больше не являемся просто животными. И Царство Природы не правит абсолютно. Как признаёт сама Симона де Бовуар:

Теория исторического материализма выявила некоторые важные истины. Человечество – это не животный вид, а историческая реальность. Человеческое общество антифизично – в том смысле, что оно направлено против природы; оно не подчиняется пассивно наличию природы, но скорее захватывает контроль над последней от своего имени. Это присвоение не внутренняя, субъективная деятельность; оно совершается объективно в практическом действии.

Таким образом, «естественное» - это не обязательно «человеческая» ценность. Человечество стало перерастать природу: мы не можем больше оправдывать сохранение дискриминационной половой классовой системы, основываясь на том, что её истоки находятся в Природе. В действительности по одним только прагматичным причинам дело начинает выглядеть так, что по всей видимости нам *придётся* избавиться от этой системы (см. Главу 10).

Эта проблема становится политической, требуя больше чем только всесторонний исторический анализ, когда становится понятно, что хотя мужчина становится всё более способным освободить себя от биологических условий, которые создали его тиранию над женщинами и детьми, у него мало причин для того, чтобы захотеть отказаться от этой тирании. Как сказал Энгельс в контексте экономической революции:

В основе разделения на классы лежит закон разделения труда [Заметим, что само разделение на классы вырастает из фундаментального биологического разделения]. Но это не препятствует правящему классу, который однажды захватил господствующее положение, консолидировать свою власть за счёт рабочего класса и превратить своё социальное лидерство в усиленную эксплуатацию масс.

Хотя половая классовая система могла возникнуть из фундаментальных биологических условий, это не гарантирует того, что женщины и дети будут освобождены, как только исчезнет биологический базис их угнетения. Напротив, новые технологии, особенно контроль фертильности, могут быть использованы против них, чтобы усилить укоренившуюся систему эксплуатации.

Таким образом точно так же, как обеспечение устранения экономических классов требует восстания угнетённого класса (пролетариата) и в ходе временной диктатуры захвата им средств *производства*, обеспечение устранения половых классов требует восстания угнетённого класса (женщин) и захват контроля над *воспроизводством*: не только полное восстановление прав собственности женщин над их телами, но также и (временный) захват ими контроля над человеческой способностью к воспроизведению потомства – над новой популяционной биологией так же, как и надо всеми общественными институтами, связанными с деторождением и воспитанием. И точно так же, как конечной целью

социалистической революции было не только устранение *привилегий* экономического класса, но устранение самого *разделения* на экономические классы, так же конечная цель феминистской революции должна состоять, в отличие от цели раннего феминистского движения, не только в устранении мужских *привилегий*, но в устранении самого полового разделения: различия в гениталиях между людьми больше не будут иметь культурного значения. (Возврат к беспрепятственной *пансексуальности* – фрейдовской «полиморфной перверсии» - которая, вероятно, вытеснит гетеро/гомо/би-сексуальность.) Воспроизводство вида одним полом ради выгоды обоих полов будет заменено (как минимум, в качестве одного из вариантов) искусственным воспроизводством: дети будут рождаться равно для обоих полов или независимо от каждого из них – это смотря как посмотреть; зависимость ребёнка от матери (и наоборот) уступит место гораздо более короткой зависимости от малой группы других людей в общем, и любая остающаяся неполноценность ребёнка в физической силе по сравнению со взрослыми будет компенсирована культурно. С разделением труда будет покончено вместе с устранением труда (кибернетизацией). Тирания биологической семьи будет разрушена.

И вместе с этим уйдёт психология власти. Как Энгельс провозглашал для чисто социалистической революции:

Существование не просто того или иного правящего класса, но существование любого правящего класса вообще станет устаревшим анахронизмом.

То, что социализм никогда не приблизился к достижению этой предсказанной цели, является не только результатом неполных или неудачных экономических предпосылок, но также и того, что сам марксистский анализ был недостаточным: он не копал достаточно глубоко, чтобы обнаружить психосексуальные корни класса. Маркс находился на кое-чём более глубинном, чем было ему известно, когда он обнаружил, что семья содержит внутри себя в качестве эмбриона все противоречия, которые позже разовьются в более широких масштабах всего общества и государства. Если революция не вырвет с корнем базовую общественную организацию, т.е. биологическую семью – уздечку, по которой психология власти всегда сможет быть тайно пронесена – в таком случае ленточный червь эксплуатации никогда не будет уничтожен. Нам потребуется половая революция гораздо более всеобъемлющая, чем социалистическая (и включающая в себя социалистическую), чтобы действительно истребить все классовые системы.

Я попыталась проделать классовый анализ на один шаг дальше к корням класса в биологическом разделении полов. Мы не отбрасываем озарения социалистов; напротив, радикальный феминизм может расширить их анализ, давая ему даже более глубокий базис в объективных условиях и посредством этого объясняя многие неразрешимые проблемы социализма. В качестве первого шага в данном направлении и фундамента нашего дальнейшего анализа мы расширим энгельсово определение исторического материализма. Здесь то же самое определение, которое цитировалось выше, но перефразированное, чтобы включить в себя биологическое разделение полов с целью воспроизводства, которое лежит у истоков классов:

Исторический материализм – это такой взгляд на ход истории, который ищет конечную причину и великую движущую силу всех исторических событий в диалектике пола: в разделении общества на два различных биологических класса ради воспроизводства и размножения и в борьбе этих классов друг против друга; в изменениях форм брака, воспроизводства и заботы о детях, создаваемых этой борьбой; в связанном с этим развитии других физически дифференцированных классов [каст]; и в первом разделении труда,

основанном на поле, которое развилось в [экономико-культурную] классовую систему.

И здесь корни культурной надстройки так же, как и экономической надстройки, прослеживаются не только до (экономического) класса, но до самого пола:

Вся прежняя история [заметьте, что теперь мы можем устранить оговорку «за исключением примитивных стадий»] была историей борьбы классов. Эти борющиеся классы общества всегда являются продуктом средств организации биологической семейной ячейки для воспроизводства вида так же, как и чисто экономических производства и обмена товаров и услуг. Сексуально-репродуктивная организация общества всегда представляет собой реальный базис, опираясь на который мы можем выработать окончательное объяснение всей надстройки экономических, юридических и политических институтов так же, как и религиозных, философских и других идей данного исторического периода.

И теперь проекция Энгельса результатов материалистического подхода к истории выглядит более реалистичной:

Вся сфера жизненных условий, которая окружает человека и до сих пор правила им, в настоящее время становится под господство и управление человека, который впервые становится действительно сознательным Царём Природы, хозяином своей собственной социальной организации.

В следующих главах мы примем в качестве допущения это определение исторического материализма, изучая те культурные институты, которые поддерживают и усиливают биологическую семью (особенно в её нынешнем представлении, в виде нуклеарной семьи) и её результат, психологию власти, агрессивный шовинизм, который развился ныне в достаточной степени, чтобы уничтожить нас. Мы соединим этот подход с феминистским анализом фрейдизма: то, что Фрейд имел культурную предвзятость, как и Маркс с Энгельсом, не делает его восприятие полностью несоответствующим действительности. На самом деле, у Фрейда были озарения гораздо большей значимости для построения нового диалектического материализма, основанного на поле, чем те озарения, что были у теоретиков социализма. Затем мы попытаемся соотнести лучшее из Маркса и Энгельса (историко-материалистический подход) с лучшим из Фрейда (понимание внутреннего мира мужчины и женщины и того, что формирует их) для того, чтобы прийти к решению одновременно политическому и личному, но всё же основанному на действительных условиях. Мы увидим, что Фрейд описал свои наблюдения корректно относительно их непосредственного социального контекста, но поскольку фундаментальная структура этого социального контекста была базовой для всего человечества – в разной степени – представлялось, что эта структура является не менее, чем абсолютным экзистенциальным условием, которое было бы безумно ставить под сомнение – что заставило Фрейда и многих его последователей постулировать *априорные* конструкторы, такие как Танатос (Желание Смерти), чтобы объяснить истоки этих универсальных психологических движущих сил. В свою очередь, это сделало болезнь человечества неодолимой и неизлечимой – вот почему предложенное им решение (психоаналитическая терапия), противоречие в терминах, было таким слабым по сравнению с остальной частью работы Фрейда, и такой громкой неудачей на практике – и послужило причиной того, что те, кто обладал общественной/политической восприимчивостью, отвергли не только его терапевтическое решение, но также и его наиболее глубокие открытия.